

УДК 904(475.77)»18»+334.48

КРЫМСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ: ДРЕВНОСТИ БАЛАКЛАВЫ, ХЕРСОНЕСА, ИНКЕРМАНА В ОПИСАНИИ ЧАРЛЬЗА ЭЛЛИОТА

Прохорова Т. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: grejprut@mail.ru*

История изучения древностей Крымского полуострова насчитывает не одно столетие; в связи с этим отмечена особая роль в данном процессе путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. Установлено, что к середине XIX в. наряду с путешествиями совершаются первые туристические поездки, к которым можно отнести приезд Ч. Б. Эллиота в Крым (30-е гг. XIX в.). Освещены основные вехи биографии путешественника, переведены и проанализированы главы его сочинения, касающиеся Крыма. Особое внимание уделено древностям Юго-Западной Таврики.

Ключевые слова: путешествие, туризм, Крым, Херсонес, Балаклава, Инкерман, Ч. Б. Эллиот.

ВВЕДЕНИЕ

Методология современных исторических исследований предполагает использование разнообразных источников при реконструкции исторических событий. Среди них – группа письменных источников, где особое место занимает путевая литература. Нетрудно определить, что это те произведения, которые были созданы в ходе поездок, миссий, экспедиций, странствий, официальных визитов. Отдельный вопрос – форма, в которую облачены данные сочинения, их жанровое своеобразие, что делает методику изучения подобных источников особенно специфической (либо это источники личного происхождения – дневники, мемуары, воспоминания, письма, заметки, размышления; либо это официальные отчеты – дипломатические, миссионерские, торговые; либо это научный труд; либо это серия очерков, пассажей, статей; и проч.). В каждом отдельном случае изучение исторического источника требует особого подхода – от этого зависит насколько сочинение проанализировано на предмет исторической составляющей.

Историография путешествий (в том числе путешествий по Крыму) насчитывает далеко не один десяток публикаций; на общем фоне особенно выделяются обобщающие и специальные работы А. А. Непомнящего [1–7] и П. О. Бочана [8]. Отдельно стоят публикации, посвященные английским путешественникам и их травелогам (труды Е. Н. Деремедведь [9–12], Г. С. Каушлиева [13], Н. И. Храпунова [14;15], Н. Н. Колесниковой [16], Д. Колупаева [17]), а также публикации русских переводов английских путешествий – А. Д. Тимиргазина и О. Н. Герардини [18;19], О. Корчевой [20]. Не стоит забывать и про работы, посвященные туризму (назовем монографию А. В. Мальгина [21]). Несмотря на значительную проработку данной проблемы, сочинение Ч. Б. Эллиота (рис. 1) осталось практически незамеченным; поэтому целью настоящего исследования является исправить данную несправедли-

вость: проследить основные вехи его биографии, реконструировать ход путешествия (особенно его крымской части), выявить группы объектов, описанных им в Крыму, и проанализировать сведения о памятниках Юго-Западного Крыма в сравнении с заметками прочих путешественников того же периода (конца XVIII – первой половины XIX в.).

1. Ч. Б. ЭЛЛИОТ – ПУТЕШЕСТВЕННИК ИЛИ ТУРИСТ?

Понятия «путешествие» и «туризм» часто выступают синонимами, однако они хоть и близки, но не тождественны. Содержание понятия «путешествие» вариативно: оно определялось как «странствование, странничанье, ходьба или езда по чужим местам» (Толковый словарь В. И. Даля) [22, с. 544]; как «передвижение по какой-либо территории или акватории с целью их изучения, а также с общеобразовательными, познавательными, спортивными и другими целями» (БСЭ) [23]; как «поездка или передвижение пешком по каким-нибудь местам, странам» (словарь С. И. Ожегова) [24, с. 623].

Путешествие в исторической ретроспективе выглядит как мероприятие познавательного, исследовательского, военного, дипломатического, торгово-экономического, миссионерского или иного характера. Первые путешественники появились в глубокой древности, часто «путешествиями» исследователи поэтически называют миграции первобытных общин и расселение древнего человека по планете. С античного времени сохранились исторические источники с рассказами о путешествиях Геродота, походах армии Александра Македонского, китайских вояжеров Сю Фу и Чжан Цянь; не менее известны арабские средневековые путешественники ал-Мукаддаси, ибн Фадлан, ал-Масуди; путешествия совершали венецианские и генуэзские купцы; хождения русских паломников также стали достоянием человечества. Среди путешествий особенно выделяются те, что повлияли на ход мировой истории – морские путешествия Х. Колумба и Васко да Гамы. С конца XVI в. практикуется особый вид экспедиций – кругосветные путешествия, первым из которых было плавание эскадры Ф. Магеллана. В XVIII–XIX вв. наблюдается рост числа исследований, выработка научных целей и задач, можно уже говорить о возникновении научных экспедиций. Сведения, собранные во время исследовательских миссий Д. Ливингстона, П. П. Семенова Тянь-Шаньского, П. К. Козлова, Н. Н. Миклухо-Маклая, заполнили лакуны знаний о Земле.

Сегодня понятие «путешествие» все чаще употребляется в отношении поездок отдаленного прошлого либо применительно к абстрактным вояжам («путешествие в мир науки», «путешествие в страну чудес», «путешествие во времени» и т.д.). Понятие «турист», которым часто подменяют слово «путешественник», появилось на рубеже XVIII и XIX вв. во Франции; с выходом книги Ф. Стендаля «Воспоминания туриста» в 1838 г. слово стало особенно популярным и обозначало человека, который совершает вояж с определенной целью или дабы просто «убить время». Массовыми туристские поездки стали относительно недавно – во второй половине XX в.; в этой связи появилось различие в понимании терминов «путешествие» и «туризм». Последнее стало обозначать сферу профессиональной экономической деятельности опреде-

ленной организации, которая обеспечивает отдых желающих. «Путешествием», в свою очередь, теперь считали любое самостоятельное перемещение в пространстве.

Ч. Б. Эллиот, в отличие от своих современников, совершил поездку в Крым, несколько отличающуюся по цели и характеру. Внешне все вояжи были одинаковыми – организация путешествий предполагала стандартный набор мероприятий: прохождение карантина, получение рекомендательных писем, поиск проводника, размещение на станциях (либо в гостиницах, либо в домах местных жителей), беглый осмотр достопримечательностей, т.е. все проходило по стандартной схеме. Ч. Б. Эллиот приехал в Крым не как дипломат или торговец, не как чиновник или миссионер, не как ученый или военный, а в поисках подходящего климата для своего подорванного здоровья. Будучи не в состоянии долго находиться на одном и том же месте, англичанин вынужден был странствовать. Поездка в Крым не была путешествием в классическом понимании слова; хотя глубинные причины его путешествий были вполне конкретными – здесь мы можем говорить о том, что англичанин практиковал оздоровительный туризм. Поездки Эллиота были нерегулярными, это была не жизнь в скитаниях (какие-то поездки совершались им по долгу службы, какие-то – в миссионерских целях); в случае с крымским визитом это был туризм. Давая характеристику подобным вояжам, следует учитывать специфику времени: в конце XVIII – первой половине XIX в. путешественник был одновременно и исследователем (описывал местные достопримечательности), и летописцем (был очевидцем событий), и дипломатом (утверждал благосклонное расположение со стороны местной администрации к той стране, какую он представлял), и разведчиком (описывал состояние экономики, флота и армии), и просто туристом (пытался получить от поездки удовольствие, наслаждался природой и приятными встречами).

Таким образом, учитывая универсальность понятия «путешественник», можно остановиться на такой дефиниции поездки Ч. Б. Эллиота, но с оговоркой, что это было путешествие иного качества, близкое к понятию «туризм».

2. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ БИОГРАФИИ Ч. ЭЛЛИОТА

Чарльз Б. Эллиот (Charles Voileau Elliott; 1803–1875), побывавший в Крыму в 30-х гг. XIX в., относится к числу тех путешественников, чье литературное наследие до сих пор до конца не исследовано. Эллиот путешествовал по всему миру иногда в ущерб здоровью и семейной жизни. В 1842 г., несмотря на свой недуг (из своей первой миссии, которая проходила с 1821 г. в Бирме, он вернулся через восемь лет инвалидом), Эллиот отправился в Палестину по просьбе королевы Виктории за святой водой из Иордана для крещения наследного принца Эдварда VII. Сведений о его жизни осталось крайне мало, и этим мы обязаны его дочери Эмили Эллиот (1839–1924), которая в своих мемуарах составила наиболее полную картину творческого и жизненного пути своего отца (рис. 2).

Ч. Б. Эллиот был современником Роберта Стевенсона (1803–1859) и Бенджамина Дизраэли (1804–1881), родился в семье Чарльза Эллиота (1776–1856) 16 февраля 1803 г. По свидетельству Эмили Эллиот, Чарльз получил образование в двух элитных учебных заведениях – школе Хэрроу, которая была основана еще в 1571 г. при Елизавете I в небольшом местечке с тем же названием к северо-западу от Лондона

(теперь часть британской столицы), и частной школе-пансионе Хейлибери в предместье Хертфорда (30 км от Лондона). Условием приема в школу была служба в Британской Ост-Индской компании, с которой он и связал свою судьбу. Воспитание, которое получил будущий путешественник, соответствовало, по словам его дочери, определению «the feast of reason, and the flow of soul»¹, он был развит не по годам и рос в беспрекословной любви ко всему возвышенному, хотя и не понимал многое из того, что ему прививалось.

В 18 лет Эллиот отправился путешествовать по Индии, ступив тем самым на путь отца; тот, в свою очередь, немедленно ввел юношу в высшее общество, подыскивая ему покровителей, что породило зависть и злобу в среде недоброжелателей. Это, по мнению его дочери, стало главной трагедией его жизни [26].

Прослужив в Индии восемь лет, Эллиот возвратился в Англию; его дочь Эмили, опуская обстоятельства и причины происшедшего, отмечает лишь, что он вернулся инвалидом; это был 1829 г. Несмотря на недуг, англичанин, любивший путешествовать, с первым улучшением самочувствия отправился в поездку по Северной Европе. Эмили Эллиот утверждает, что он ездил только в Швецию и Норвегию, но, судя по его труду, география путешествия была гораздо шире: Голландия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия, Пруссия и Саксония, результатом чего стало издание однотомника с журналом путешествия под названием «Письма из Северной Европы» (Лондон, 1832) [27].

В 1830 г. Чарльз встретил свою будущую супругу Эмили Дуган, наследницу ирландского рода О'Нилов (рис. 3), с которой они поженились через год в Мэрилебоне². Когда закончился медовый месяц, он отправился проходить последний курс в Королевском колледже, самом старом колледже при университете в Кембридже, основанном еще в 1448 г. Маргарет Анжуйской, супругой Генри VI. После окончания семестра он решил стать священником, поэтому в июне 1832 г. они с супругой покинули Кембридж и поселились в Саутгемптоне. Тогда у них родилась дочь, названная в честь матери Чарльза Алисией; это радостное событие совпало с болезнью Эллиота, который подхватил ветряную оспу, что подорвало его здоровье еще больше: осложнения пошли на глаза и горло. Именно это заставит его в будущем активно путешествовать в поисках подходящего климата.

В 1834 г. Эллиот возглавил викарат в Годамминге, через год у него родился сын Чарли; но, несмотря на устраивавшуюся жизнь, состояние здоровья Чарльза ухудшалось, поэтому он поспешил покинуть Англию. Оставив детей, супруги отправились на юг Франции и обустроились в Ницце, где через два года у них родился еще

¹ Строка из сочинения Александра Поупа (Alexander Pope) «Опыт о человеке» (1733 г.); фраза стала крылатым выражением и, по определению словаря Вэбстера (1913 г.), употребляется в переносном смысле для обозначения приятного времяпрепровождения, чего-либо, вкушенного совместно и с удовольствием, какого-либо развлечения. В данном случае выражение можно перевести как «праздник разума и расцвет (прилив) в душе». Л. В. Викторова пришла к выводу, что у оборота нет русского аналога и его можно использовать для обозначения «умной и приятной беседы» [25].

² В браке у Эллиотов родилось восемь детей: Алисия (Alicia; 1832–1912), Чарльз Пирсон (Charles Pearson; 1833–1876); Гарри Верни (Harry Verney Wingfield; 1834–1835); Вильям Генри (William Henry; 1837–1844); Эмили (Emily; 1839–1924); Артур Вилмот (Arthur Wilmot; 1841–1862); Изабель Мария (Isabel Maria; 1842–1870); Мэри (Mary).

один сын Гарри. Страсть к перемене мест заставила их оставить восьмимесячного сына и отправиться в Испанию. Частые переезды сказались на здоровье Эмили, поэтому Ч. Эллиот расстался с ней на полгода в 1836 г. и уехал в Святую землю.

Домой чета Эллиотов вернулась в 1837 г., по пути забрав своих двух детей и родив еще одного в Париже. В 1839 г. они переехали в Таттингстон, где и создали семейное гнездо. Два или три года прошли спокойно, без переездов, тогда и родилась Эмили Эллиот, сообщившая эти сведения об отце. В 1842 г. супруги вновь оставили детей и отправились в путешествие – на Мадейру, в Силезию, вниз по Дунаю, в Молдавию и Валахию; перезимовав в Палермо, продолжили тур по Восточному Средиземноморью, посетили греческий Архипелаг, и только тогда, по заверению Эмили, ее отец прибыл в Крым. Здесь мы встречаем несоответствие – ведь год издания обозначен как 1838 г., а значит, путешествие состоялось раньше 1842 г., предположительно, во время его поездки в Смирну в 1836 г.¹

На выход его сочинения сразу же откликнулись литературные обозреватели – «Квартальный обзор англиканской церкви», «Британский критик и квартальный теологический обзор» [28] и «Ежемесячник» [29], поэтому не остается сомнений, что путешествие состоялось ранее 1842 г., как утверждает Эмили. Уже рецензенты отмечали, что Эллиот отличается от новомодных путешествующих денди и везде успевающих энтузиастов-первооткрывателей. Он не был мастером пера, хотя, если бы автор знал, то на кончике его пера завязаны богатства прошлого и современности, писал бы старательнее и образнее. «Ежемесячник» назвал среди преимуществ его труда яркое описание Мертвого моря, неповторимый колорит Востока, детальное описание природы Подунавья и проникновенное возвышенно-тонкое повествование о Святой земле [29, р. 253]. «Британский критик» обратил внимание, прежде всего, на дискомфортные, небезопасные и откровенно угрожающие здоровью и жизни путешественника условия вояжа: спуск по Истру с его скалами и водопадами, обреченность на холод и голодное истощение в Скифии, атака паразитов в Молдавии, чума в Турции, разбойничающие пираты у берегов Малой Азии, лихорадка в Иерусалиме. Описание этих ужасов, по мнению критиков, делает подобные мероприятия непривлекательными для паломников и простых путешественников, а Ч. Эллиот в поисках комфорта забывал передать читателям своеобразие посещенных стран, их уникальность, живописность и, возможно, очарование. Другой минус его работы, по их мнению, заключается в ультрапротестантизме, и то, как он, человек с церковным саном, отзывается о евреях и мусульманах [28, р. 305]. Наконец, «Обзор англиканской церкви» рекомендует читателям произведение Ч. Эллиота, особенно описания Палестины и Мертвого моря – это, по словам критиков, яркий пример сакрального пути – через страдания и лишения к Святому источнику [30].

¹ Это нетрудно понять из оглавления: глава 1 (Венгрия, Пресбург); глава 2 (путешествие по Дунаю, из Пресбурга в Пест); глава 3 (путешествие по Дунаю, из Песта в Семлин); глава 4 (путешествие по Дунаю, из Семлина в Орхову); глава 5 (путешествие по Дунаю, из Орховы в Венгрии до Скала Складовой в Валахии); глава 6 (путешествие по Дунаю, из Скала Складовой в Валахии до Галаца в Молдавии); глава 7 (Молдавия, из Галаца в Лиову); глава 8 (Бессарабия, из Лиовы в Кишлау); глава 9 (Новая Россия, из Кишлау в Одессу); глава 10 (Крым, из Одессы в Бахчисарай); глава 11 (Крым, из Бахчисарая через Гераклеяский полуостров в Одессу); глава 12 (Турция в Европе, Константинополь); глава 13 (Турция и турки); глава 14 (Турция, ее христианские объекты).

Эллиоты проводили жизнь в постоянных разъездах. Как пишет Эмили Эллиот, время от времени они жили в Лондоне, Париже, Неаполе, Риме, Марселе, Авиньоне, путешествовали по Египту (поездка в Каир в 1862 г.), но родовая усадьба семейства оставалась в Таттингстоне. Ч. Эллиот умер в Женеве 1 июля 1875 г., в то время как его супруга и дети были в Индии. Похоронен в церкви Святой Марии в Таттингстоне, где был ректором в течение много лет. Там же была похоронена его жена Эмили в 1877 г. На могиле Эллиотов установлен мемориал с надписью [31] (рис. 4).

3. ПУТЕШЕСТВИЕ К ДРЕВНОСТЯМ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Сочинение Ч. Б. Эллиота состоит из четырнадцати глав, из них только две (X и XI) посвящены Крыму¹. Интересующая нас Балаклава и монастырь св. Георгия были осмотрены им с моря; в Крыму Эллиот подробно описывает увиденное, в том числе и древности. Размышления на исторические темы встречаем у путешественника уже на пути из Одессы в Крым – автор вспоминает древние названия Черного моря: *«Дождь лил ручьем весь день, и вскоре мы убедились, что древние имели вескую причину относиться к этому морю с тревогой; беспокойство вполне оправдано и в настоящее время, хотя навыки в навигации значительно улучшились. Греки на-*

¹ Глава X: Крым. Из Одессы в Бахчисарай (Высадка в Крыму. – Древние и современные имена Черного моря. – Монастырь Святого Георгия. – Балаклава. – Айя-бурун. – Скалы. – Граф Воронцов. – Рост стоимости земли. – Деревни. – Мадам Нарышкина (Narischkine). – Фрукты. – Вина. – Князь Голицын. – Княжна Мещерская. – Сельские местности. – Ореанда. – Земля в Ялте. – Лошади. – Седла. – Алупка (Aloupka). – Имение графа Воронцова. – Diospegos лотос (правильно Dioryos Lotus, т.е. хурма кавказская обыкновенная). – Горный ясень. – Дом и почвы. – Деревня Кокозы (Kokoz). – Дорога. – Доброта татар. – Костюмы. – Бритые головы. – Дома. – Отряд настигла ночь. – Шторм. – Бахчисарай. – Татарские привилегии. – Этимология «донских казаков». – Языки в сравнении. – Базар. – Овцы. – Дромадеры. – Кузнецы. – Школы. Русское завоевание. – Дворец татарских ханов. – Сады. – Апартаменты. – Зал суда. – Фрески. – Фонтанный дворик. – Главная дворцовая мечеть. – Деван. – Гарем. – Мавзолей. Сад и башни. – Ханское кладбище. – Погребения. – Большая мечеть. – Мусульманская служба. – Изгнанные миссионеры. – Ранние часы. – Исполнение пророчеств. – Цыгане. – Руины старого города. – Монастырь Успения Богородицы. – Ежегодный фестиваль. – Ослы, навьюченные водой. – Трудный подъем. – репость Чуфут Кале (Joofud Kalah). – Дома. – Рыночное место. – Синагога. – Евреи-караимы. – Ненависть раввинистов. – Происхождение. – Доктрины. – Почитание Талмуда. – Мораль. – Гражданские законы. – История. – Манускрипты. – Школа. – Долина Иосафат. – Возвращение в Бахчисарай).

Глава XI: Крым. Из Бахчисарая через Гераклеяский полуостров в Одессу (Отъезд из Бахчисарая. – Татарская деревня. Досис (Dosis). – Мавзолей. – Замок Мангупа. – Дуван-кой. – Повозки. – Могильники. – Бручкуе (Brochkoee). – Пейзаж. – Переправа. – Старый еврей. – Севастополь. – Распределение земель. – Размышления о поселении в Крыму. – Бухта. – Древний Ктенус. – Его положение. – Черепахи и рыба. – Акведук. – Крепость и пещеры Инкермана. – Часовни в скале. – Места для укрытий ранних христиан. – Гавань. – Судходство и укрепления. – Место древнего Херсонеса. – Его положение и история. – Гераклеяский и Таврический Херсонес. – Генуэзские строения. – Языческие храмы и христианские церкви. – Обширные руины. – Цветы и насекомые. – Анекдоты. – Природная магия. – Круглые каменные основания. – Монеты. – Кольца для судов на вершине горы. – Геологические предположения. – Монастырь Святого Георгия. – Храм Дианы. – Митрополит. – Греческая служба. – Долина Балаклав. – Греческие жители. – Разнообразие наций в Крыму. – Гавань Балаклав. – Древняя крепость. – Имя, полученное от генуэзцев. – Рыба. – Морской служащий. – Город, вымощенный мрамором. – Байдарская долина. – Татарский дом. – Трапеза. – Омовения. – Горная яйла. – Волшебный пейзаж. – Спуск. – Разрушенное село. – Дома. – Режим уборки сена. – Плодородие земель. – Держдерево. – Древесные жабы. – Орел. – Ящерицы. – Возвращение в Алупку. – Ялта. – Массандра. – Усилия графа Воронцова в Крыму. – Анекдот. – Общественный сад в Никите. – Ай-даниль. – Его положение. – Вид. – Медвежья гора. – Возвращение в Одессу) [32, р. 19–21].

зывали его *Αἴετος Πόντος*, что означает Негостеприимное море, как из-за дикого характера жителей на его побережье, так и из-за частых штормов. Современное название имеет, наверное, сходное происхождение, так как мы часто зовем что-либо Черным, если оно нам не нравится; как, например, черный день или черная погода, так и черное море. Когда Римляне завладели этими берегами и изгнали гетов (*Getae*), сарматов и других варваров, которые ранее занимали побережье, они изменили название с Негостеприимного на Гостеприимное, с *Αἴετος* на *Εὐξεινός* (*Euxinos*). Современники сохранили оба названия; но парадокс – называют его Черным морем и Эвксинским, то есть Негостеприимны и Гостеприимным морем одновременно» [32, р. 282].

Путешествие из Одессы в Крым заняло у вояжеров 16 часов, первым свидетелем крымской земли стал «русский маяк напротив города Севастополя», затем показался скалистый берег мыса Херсонес. Теперь, как пишет путешественник, провозглашена «власть царя над землей, где Ифигения приносила жертвы на алтарь Дианы» [32, р. 283]. От Маячного полуострова путешественники направились к греческому монастырю св. Георгия, который, как считает автор, «стоит на месте древнего Парфениума (*Parthenium*), возле храма Ореста и другого святилища, где Ифигения была в качестве главной жрицы» [32, р. 283–284].

Поиски храма, посвященного богине Партенос¹ (Деве, Диане, Артемиде, Орсилохии, Тавр), верховной покровительнице и сакральной защитнице Херсонеса, продолжаются не одно столетие; исследователи не пришли к единому мнению относительно времени возникновения культа Партенос, характера и способа его отправления в среде херсонеситов; нерешенным остается вопрос об особенностях местной религиозно-колониционной практики, о порядке выделения храмовых земель, о трансформации культа после появления трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» [35]. Пожалуй, нет в Крыму другого объекта, который бы так старательно искали и так долго не могли обнаружить. Многолетние поиски, анализ сообщений древних авторов (Геродота, Еврипида, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего), наблюдения за береговой линией – все это значительно приблизило, но пока еще не привело ученых к разгадке.

Путешественники после посещения Херсонеса отправлялись на Южный берег Крыма в поисках мыса, где в древности якобы стояло святилище богини Партенос с ее статуей и где, по выражению А. С. Пушкина, «крови жаждущим богам дымились жертвоприношенья». На основе записок путешественников можно выделить несколько мест, где гипотетически мог располагаться храм богини Партенос: город Херсонес; мыс Фиолент (рядом с монастырем св. Георгия) либо мыс монастыря (в точности на месте самого храма); мыс Фанари (м. Херсонес на Маячном полуострове); мыс Виноградный (Айя-Бурун); Южный берег Крыма (местечко Партеит), гора Аю-Даг; до-

¹ Слово *παρθένος*, которое, по замечанию М. Скржинской, использовалось в значении «девушка», соответственно девичьи покои именовались парфеноном, а также было эпитетом для богинь-девушек Артемиды и Афины. Слово имеет несколько вариантов прочтения, что отмечено и в статье А. С. Русяевой [33]. В досоветской отечественной литературе использовался вариант «Парфенос», но современные исследователи религии культов херсонесских греков (М. и А. Русяевы, М. Скржинская, В. Зубарь) склонны считать прочтение «Партенос» более корректным, максимально соответствующим современной русско-украинской транскрипции [34, с. 67].

пускается возможность существования нескольких святилищ одновременно в разных местах. Ч. Б. Эллиот, в отличие от прочих вояжеров, сперва описал мыс Партенос, который, по его мнению, располагался на месте монастыря св. Георгия, а затем направился в город Херсонес. Следует отметить, что в конце XVIII – первой половине XIX в. большинство путешественников склонялось к мысли о том, что наиболее вероятным местом расположения храма был мыс, на котором стоит Георгиевский монастырь. Преемственность священного начала, переход от древних культов к христианским выражались в единстве сакральной территории. Непрерывное использование одного и того же мыса как язычниками, так и христианскими монахами имело, по мнению исследователей, смысл. Поэтому часто в работах авторов звучит идея о том, что монастырь св. Георгия стоит на Священном мысу, где раньше был храм Девы.

За несколько лет до путешествия Ч. Эллиота в Крыму побывал У. Джесс, который высказывает в точности такое же предположение относительно храма Партенос: он наблюдал мыс с монастырем св. Георгия с борта своего корабля, и полагал, что монастырь стоит не на точном месте языческого капища, а в непосредственной близости; таким образом, Джесс через подзорную трубу одновременно мог видеть и монастырь, и мыс под ним, где стоял храм Девы [36, р. 76]. Также описывает это место Дж. Эллиот: Георгиевский монастырь стоит на древнем мысе Парфениум (Parthenium), расстояние до которого он оценивает в 12 верст от Херсонеса, а ниже на скале стоял храм Дианы Таврической; здесь же автор называет «Девичью скалу», названную так в честь жрицы Ифигении [32, р. 333–334].

Следующим на пути Ч. Б. Эллиота лежал Инкерман – бухта и крепость. В описательной практике путешественников было давать краткие сведения о роли этой гавани: здесь находится изголовье главной городской бухты Севастополя. Инкерман на веских основаниях принимали за Ктенус Страбона (основывали свое мнение на равноудаленном расстоянии порта от Херсонеса и Балаклавы, подсчитанном Страбоном – 40 стадиев); бухта вместе с Portus Symbolorum (Балаклавой) формировала полуостров, на котором и размещался Херсонес [32, р. 323]. В Инкермане Ч. Б. Эллиот осматривал акведук, проходящий через туннель, пещеры «разных форм и размеров», высеченные в скалах, крепость «в значительно укрепленном месте». Предположения путешественника относительно данных объектов особенно интересны: крепость он считал современницей «херсонесской власти», т.е. возведенной еще до римского завоевания, затем ее отстроили генуэзцы, о чем говорят виденные им «следы». Пещеры же, по мнению путешественника, имели практическое назначение: для хранения продуктов и для защиты населения в случае опасности [32, р. 324]. «Практическую» версию создания пещер высказывали и другие путешественники: Ш. Ж. Ромм (1786 г.) полагал, что сооружения, которые он видел в Инкермане, могли быть построены греческими мореплавателями, которые сооружали жилища на скале и под ней в условиях отсутствия дерева; по другой версии, высказанной путешественником – славянскими племенами, осаждавшими Херсон и пребывавшими в этих местах во время похода князя Владимира [37, с. 115–116]. В начале XIX в. исследователи продолжали связывать возникновение пещер с воинским контингентом, который размещался здесь для защиты от набегов неприятелей. Именно такую формулировку решения вопроса встречаем у В. Броневского

(1815 г.). Путешественник полагал, что порох и огнестрельные снаряды, хранившиеся в камерах, а также устроенный на правой стороне речки селитряный завод, унаследовали свое предназначение с давних времен [38, с. 18]. Аналогичную версию выдвигает Ж. Ф. Гамба, который полагал, что пещеры Эктенуса были частью республики Херсонес и появиться могли только благодаря усилиям его жителей. Количество пещер было столь велико, что в них спокойно мог поместиться целый город, используя камеры как убежища во время войны [39, р. 34].

Идеи, высказанные путешественниками, имеют одну схожую черту – в пещерах они видели средства защиты населения от внешних факторов (или места хранения припасов); с этой идеей соглашался В. В. Пассек, хотя, по его мнению, наиболее уязвимым было население древнейших «доисторических» времен – именно они являются создателями и пользователями данных камер. Защищаясь от непогоды, диких зверей и врагов, древнейшие жители полуострова подсказали более поздним племенам средство спасения от преследований. Таким образом, как считает ученый, в Инкермане есть как доисторические пещеры, так и те, что «приходятся на память истории» [40, с. 159].

Ч. Эллиот совершил привычную для путешественников экскурсию по Инкерману: *«пробрался с помощью прочной лестницы и длинного низкого прохода в большую комнату, одиннадцать футов высотой»* со сводчатой крышей, двумя греческими саркофагами, алтарем и крестом – так он описывает церковь св. Георгия [32, р. 324–325]. Подобравшись поближе к пещерам, Эллиот меняет мнение об их назначении: из-за остатков фресковой росписи и остатков саркофагов автор теперь не сомневается, что это были *«убежища ранних христиан, бежавших туда в моменты преследования сперва язычников, а затем мусульман; Крымская Татария, особенно ее южная часть, также изобилует такими подземными жилищами, для которых нет других правдоподобных версий происхождения»* [32, р. 325].

На противоположной стороне от Инкермана, как отмечает Эллиот, *«на берегу другой бухты к юго-западу от города»* находился *«гордый город Херсонес, слава восточной Европы»*. Примечательно, что в Херсонесе Ч. Эллиот также искал храм Таврической Дианы [32, р. 327]. Среди путешественников, занимавшихся поиском этого памятника, мнение о том, что святилище располагалось непосредственно на территории города не нашло широкого распространения (хотя в сообщении Страбона говорится именно об этом). Вояжеры считали весь Гераклеийский полуостров городской территорией, поэтому к месту крепости (на берегах Карантинной бухты в пределах городской стены) они свои рассуждения не привязывали. Тем не менее, вопрос о расположении храма в самом городе периодически поднимался путешественниками. Так, место жертвоприношений Диане на территории Херсонеса помещали Ш. де Поль Бар дю Оллан и Н. Н. Мурзакевич.

Современные исследователи не исключают возможность обнаружения храма Дианы на территории Херсонесского городища. Некоторые из уже изученных объектов претендуют на право такого отождествления. Группа ученых в составе С. Б. Сорочана, В. М. Зубаря и Л. В. Марченко предположили, что на месте храма расположена пещера, раскопанная в центральной части Херсонеса, известная также как «пещерный храм» [34, с. 71]. Ч. Эллиот пишет: *«Таврическая Диана имела храм, и в истории увековечено, что пещера в цитадели была посвящена таинствам поклоне-*

ния ей» [32, р. 327]. Этот памятник был изучен Одесским обществом истории и древностей в 1883–1884 гг. и принят за цистерну римского времени. В цистерну-храм вела каменная лестница из восьми ступеней; остатки неглубокой ниши, где было обнаружено шесть человеческих черепков, позволили А. Л. Якобсону предположить, что здесь располагался склеп. К. Э. Гриневич и Ю. М. Могаричев не сомневались, что здесь был храмовый комплекс с усыпальницей знатных христиан в нижней части, пещерный облик которой заставил ученых задуматься о возможности существования здесь тайного убежища первых христиан. Из «Жития св. епископов Херсонских» явствует, что в IV в. св. Василий укрывался в «некой пещере, именуемой Парфеноном» [41, с. 566–567]. По мнению ученых, это был заброшенный храм какого-либо «хтонического божества» – Коры-Персефоны или Артемиды, которую отождествляли с Гекатой-Селеной, носившей эпитет Партенос. С этим храмом связывают восприятие херсонесского божества Девы как местной ипостаси греческой Артемиды.

М. В. Скржинская поддержала данную теорию. По мнению исследовательницы, в «Житии святых епископов херсонских» речь идет именно об этом храме: он мог быть разрушен в ходе событий IV в., когда по велению епископа Капитона были построены печи, в которых сгорели мраморные детали храма и скульптура главной херсонесской богини, а известь, полученная из перегоревшего мрамора, потом была пущена на строительство здесь же храма апостола Петра. Таким образом, новый храм, выросший на месте греческого Парфенона, обозначил континуитет религий – язычества и христианства, за подобными святилищами признавалось право асиии, т.е. охранная функция [34, с. 71].

А. С. Русяева, которая часто полемизирует с М. В. Скржинской, подчеркивает, что ставить точку в этом вопросе слишком рано. При рассмотрении доводов исследовательницы становится ясно, что на ее стороне факты – никаких оснований утверждать, что храм богини Партенос назывался именно Парфеноном, что он стоял на месте вышеуказанной пещеры и что языческий храм был сожжен и руины его стали основанием для постройки храма св. Петра, нет. Напротив, сравнительный анализ различных вариантов «Житий свв. епископов херсонских» дает основания для иных предположений, которые и высказывает А. С. Русяева. Исследовательница указывает еще на несколько предположений, которые стоит учитывать: что храм св. Петра был на месте т.н. Восточной базилики (по счету императорской Археологической комиссии базилика № 36), которую и в средние века продолжали называть Парфенон [33, с. 20; 41, с. 579; 42]; что храм св. Петра мог быть и на месте Уваровской базилики (№ 23); что Парфенон – это название отнюдь не храма, а священной пещеры нимф, как неизменных спутниц Партенос. А. В. Буйских и М. И. Золотарев при изучении городища пришли к выводу, что храмовый комплекс располагался на священной площади города – теменосе в северо-восточной части Херсонеса. Остатки храма, который при жизни Капитона мог быть разрушен или перестроен, невозможно обнаружить, поскольку эта территория была застроена в византийскую эпоху. По другим данным, приведенным также М. Скржинской, есть версии о расположении храма Девы на месте современного Владимирского собора [33].

Исходя из всего выше сказанного, видится следующий вывод: храмов, посвященных греческим божествам в Херсонесе, несомненно, было несколько (только на

теменосе их могло быть два, от которых остались вполне различимые остатки в виде колонн ионического и дорического ордера). Некоторые из них были посвящены богиням, носивших эпитет Партенос – Афине, Артемиде, Персефоне; о каждом из них мог писать древнегреческий географ, указаниям которого следовали путешественники. Согласно реконструкции А. В. Буйских и М. И. Золотарева, мыс, храм и ксоанон, названные Страбоном, располагались в Северо-Восточной части Херсонеса, где ученые локализуют теменос.

Ч. Эллиот, как и многие его современники, описывает три христианских храма на территории города; на месте одного из них мог стоять храм Диане: *«Остатки трех отдельных строений, которые можно увидеть, были, очевидно, христианскими церквями; в то же время их языческие символы указывают на раннюю, а стертые наполовину кресты – на позднюю древность, когда поклонение Диане и христианские верования столкнулись, как однажды в Эфесе, где Диана Эфесская выступила в роли великого апостола язычников. Страбон упоминает храм девственной богини на этом месте; и, вероятно, среди этих руин имеется и христианская церковь, построенная на месте и из материалов, что остались от того самого храма»* [32, р. 327–328].

От Херсонеса остались лишь руины, которые рассеяны по территории на расстоянии пять миль в окружности. *«Украив с этой земли древний камень и веточку полыни»*, путешественники двинулись в юго-западном направлении к монастырю св. Георгия, а затем – в «романтическую деревню» Балаклаву. Ч. Б. Эллиот, как и Ф. Дюбуа де Монпере (а также П. С. Паллас, Э. Гендерсон, Э. Д. Кларк, Н. Н. Мурзакевич, О. П. Шишкина) склонен считать, что на вершине горы в Балаклаве располагалась крепость Палакион (или Плакион) по имени ее строителя Палака, сына Скилура; в одной из башен автор видел цистерну-резервуар для воды. Название Балаклавы в отличие от современников выводил от итальянского *«Bella chiave»* (дает перевод как «прекрасный порт») [32, р. 335–336]. Помимо крепости и уникальной в природном отношении бухты Ч. Б. Эллиот видел «большие кольца» с обеих сторон от входа в гавань; это соотносится с замечаниями Л. Рошешуара, который также писал о виденных им кольцах, предназначенных якобы для массивной цепи, с помощью которой вход в гавань преграждался от контрабандистов. *«Большие кольца»* были обнаружены Эллиотом в нижней части скал в разных частях побережья Крыма, но их предназначение оставалось для автора загадкой. Путешественник не решается делать собственные предположения, но он с осторожностью приводит аргумент в пользу одной из гипотез, отчего становится очевидно, что именно этой версии автор склонен доверять. Суть ее сводится к тому, что с помощью подобных колец *«обеспечивали безопасность кораблей»*, поскольку ранее *«море было намного выше его нынешнего уровня»*. В подтверждение этой теории он приводит рассуждения о том, что на пиках в горах Африки и Фракии были обнаружены остаточные породы, значит, ранее они были покрыты морскими водами; после того, как образовался Босфор, и Мраморное море прорвало выход в Средиземное, а то, в свою очередь, вышло в Атлантику через Геркулесовы столбы, лишняя вода выходила из Пропонтиды, и потребность в этих кольцах исчезла [32, р. 330–332]. Из Балаклавы Эллиот отправился через Байдарскую долину на Южный берег Крыма, оставив древности Гераклейского полуострова позади.



Рис. 1. Чарльз Эллиот (Charles Boileau Elliott; 1803–1875)



Рис. 2. Эмили Эллиот (Emily Eugenia Elliott; 1839–1924)



Рис. 3. Эмили Дуган-Эллиот (Emily Gertrude Elliott, nee Dougan; 1806–1877)

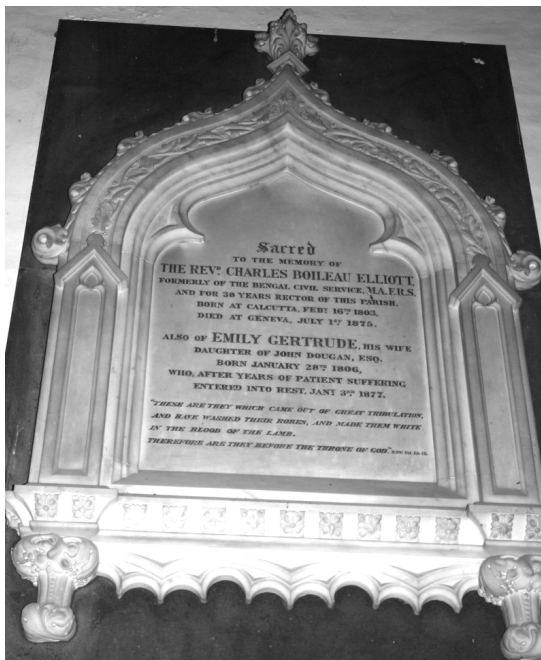


Рис. 4. Памятник на могиле Чарльза и Эмили Эллиотов
в церкви Святой Марии в Таттингстоне

ВЫВОДЫ

Ч. Эллиот был увлечен древностями Крыма, благодаря чему исследователи располагают интереснейшими сведениями по древней истории края. Автор не склонен ни с кем полемизировать (в его труде практически не встречаются ссылки на других авторов), трудно выявить личную позицию путешественника, часто он категоричен и противоречив. Эллиот собрал воедино все, что знал или слышал о Крыме, поэтому его сочинение – это антология сведений о Таврике, которое требует критического анализа; однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что мы имеем дело с основательным трудом, содержащим ряд ценных сообщений о древних памятниках. При проведении анализа даже столь небольшой части его произведения (нами рассмотрены главы X и XI), обнаруживаются заслуживающие внимания повествовательные пассажи о Крыме: автор выдвигает несколько версий о месте расположения храма Таврической Дианы, описывает главные объекты, представляющие исторический интерес, приводит личные впечатления от посещенных мест (особенно интересны описания Инкермана и Балаклавы). Единственный недостаток произведения англичанина – отсутствие «научного историзма»: в его труде нет ссылок, полемики, теоретических построений в динамике; в его изложении история выглядит завершенной, как если бы все вопросы касательно его истории были уже решены. На самом деле до сих пор многие спорные проблемы остаются нерешенными. Впереди у исследователей – кропотливый труд по созданию научного перевода труда Ч. Эллиота и составление комментариев к нему. Введение в научный оборот сведений, оставленных английским путешественником, существенно пополнит наши знания о Крыме.

Список использованной литературы

1. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий ; Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46).
2. Непомнящий А. А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму / А. А. Непомнящий // Крымский архив. – 1999. – Вып. 4. – С. 35–42.
3. Непомнящий А. А. Иностранные путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України : проблеми національного та культурного розвитку : міжн. наук.-метод. конф. : наук. доп. / Херсонський держ. пед. ун-т. У 2 ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.
4. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.
5. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма : библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Доля, 2001. – 816 с.
6. Непомнящий А. А. К вопросу о начале научного изучения Крыма : экспедиция В. Ф. Зуева / А. А. Непомнящий // Пилигрими Крыма–98 : путешествия по Крыму, путешественники о Крыме : межд. науч. конф. : матер. / Крымский гуманитар. центр. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – С. 91–96.
7. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – К., 1998. – Вип. 1 : матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
8. Бочан П. О. Україна в поглядах німецьких і французьких вчених, послів і мандрівників XVII – XIX ст. : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Петро Олегович Бочан. – Чернівці, 2008. – 20 с.

9. Деремедведь Е. Н. Английская литература путешествий XVIII – XX вв. о Крыме : реализация процесса коммуникации / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – С. 112–115.
10. Деремедведь Е. Н. История одного путешествия, или английская вилла для Роберта Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Крымское время. – 2008. – 17 янв. – С. 21.
11. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 208 с.
12. Деремедведь Е. Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 163–169.
13. Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 100–113.
14. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 645–697.
15. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2009. – Вып. 15. – С. 656–681.
16. Колесникова Н. Н. Забытое свидетельство о Крыме : путешествие Роберта Лайелла / Н. Н. Колесникова, О. Колесникова // Крымский альбом : ист.-краевед. и лит.-худож. альманах / сост. Д. А. Лосев. – Феодосия ; М. : Коктебель, 2003. – С. 8–17.
17. Колупаев Д. Путешествие леди Кравен / Д. Колупаев // Таврика / Крым. акад. гум. наук. – Симферополь, 1998. – С. 75–76.
18. Герардини О. Н. Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) / О. Н. Герардини // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма : матер. II науч. конф. / Новосветский поселковый совет. – Новый Свет, 2009.
19. Герардини О. Н. О путешествии по Крыму, Турции и Египту Джеймса Вебстера (Лондон, 1830) / О. Н. Герардини, А. Д. Тимиргазин // Воронцовы и русское дворянство : между Западом и Востоком : матер. XIII Крым. межд. Воронцовских науч. чт. / Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник ; ред.-сост. Г. Г. Филатова. – Симферополь : Н. Оренда, 2012. – С. 399–410.
20. Лайелл Р. Симферополь и его окрестности : из книги «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (1825) / Р. Лайелл ; пер. с англ., прим. О. Корчевой // Крымский альбом : ист.-краевед. и лит.-худож. альманах / сост. Д. А. Лосев. – Феодосия ; М. : Коктебель, 2003. – С. 17–34.
21. Мальгин А. В. Русская Ривьера : курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи : конец XVIII – начало XX в. / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 352 с.
22. Даль В. И. Путешествие // Толковый словарь живого великорусского языка : репринтное издание : в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1995. – Т. 3. – С. 544.
23. Муравьев В. С. Путешествие / В. С. Муравьев // Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3 изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 21. – С. 324.
24. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1995. – 928 с.
25. Васильева Л. В. Краткость – душа остроумия : английские пословицы, поговорки, крылатые выражения / Л. В. Викторова. – М. : Центрполиграф, 2004. – 350 с.
26. Rev. Charles Boileau Elliott (1803–1875) : [Электронный ресурс] // Barton history. – Режим доступа : <http://bartonhistory.wikispaces.com/Rev.+Charles+Boileau+Elliott+%281803-1875%29>. – Дата обращения : 24. 11. 2012.
27. Elliott C. B. Letters from the North Europe; or a journal of travels in Holland, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Russia, Prussia, Saxony / C. B. Elliott. – London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1832. – 475 p.
28. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott : 2 vol. London, 1838 // The British critic and theological review / Printed for R. Griffiths. – London, 1839. – Vol. 25, № 50. – P. 305–320.
29. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott : in 2 vol. (London, 1838) // Monthly review from September to December inclusive / Printed for R. Griffiths. – London : Henderson, 1838. – Vol. 3, № 2 (October). – P. 246–256.

30. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott, vicar of Godalmin : in 2 vol. London, 1838 // The church of England quarterly review. – London, 1839. – Vol. 5. – P. 261–262.
31. Alicia Elliott grave monument details : [Электронный ресурс] // St Mary's Church Cemetery, Tattingstone, Suffolk, England. – Режим доступа : <http://www.gravestonephotos.com/public/gravedetails.php?available=yes&fullname=Charles%20Elliott&grave=20786>. – Дата обращения : 24. 11. 2012.
32. Elliott C. B. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott : in 2 vol. – Vol. 1. – London : Richard Bentley, 1838. – 498 p.
33. Русяева А. С. Про храм Партенос – верховної богині Херсонеса Таврійського / А. С. Русяева // Український історичний журнал. – 2009. – № 2. – С. 4–16.
34. Скржинська М. В. Парфенон у Херсонесі Таврійському / М. В. Скржинська // Україна в Центральній-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.) / Ін-т історії України НАН України. – К., 2006. – №6. – С. 67–85.
35. Русяева А. С. Проблема локалізації мису Партеній і храму херсонеської богині Партенос (Strabo. VII. 4. 2) / А. С. Русяева // Надчорномор'я : студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.) / Ін-т історії України НАН України. – К., 2008. – Вип. 1. – С. 7–25.
36. Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840 : in 2 vol. / W. Jesse. – London, 1841. – Vol. 1. – 335 p.
37. Петрова Э. Б. Крымские путешествия : Шарль Жильбер Ромм : «Путешествие в Крым в 1786 году» / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 168 с.
38. Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году / В. Броневский. – Тула, 1822. – 192 с.
39. Gamba J. F. Voyage dans la Russie meridionale et particulierement dans les provinces au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 : in 2 t. / par le chevalier Gamba. – Paris, 1826. – 444 p.
40. Пассек В. В. Отрывки из путешествия по Крыму / В. В. Пассек // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком : в 4 кн. – СПб., 1838. – Кн. 1. – С. 151–175.
41. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков : Майдан, 2000. – 828 с.
42. Сорочан С. Б. О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе/Херсоне / С. Б. Сорочан // Восток – Запад : межконфессиональный диалог : тез. докл. и сообщ. / Национальный заповедник «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2002. – С. 37–38.

Прохорова Т. О. Кримські подорожі: старожитності Інкермана, Херсонеса, Балаклави в творі Чарльза Елліота / Т. О. Прохорова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 1. – С. 144–160.

Історія вивчення старожитностей Кримського півострова налічує не одне століття; у зв'язку з цим відзначена особлива роль мандрівників кінця XVIII – першої половини XIX ст. Встановлено, що до середини XIX ст. поряд з подорожами відбуваються перші туристичні поїздки, до яких можна віднести приїзд Ч. Б. Елліота в Крим (30-і рр. XIX ст.). Висвітлено головні віхи біографії мандрівника, переведено та проаналізовано глави його твору, що стосуються Криму. Особливу увагу приділено старожитностям Південно-Західного Криму.

Ключові слова: подорож, туризм, Крим, Херсонес, Балаклава, Інкерман, Ч. Б. Елліот.

Prochorova T. A. Crimean Travels: Ancient Inkerman, Chersonese and Balaclava by Charles Elliott / T. A. Prochorova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 1. – P. 144–160.

The studying of the Crimean antiquities has more than one hundred year's history. The special role in this process has been played by the travelers of the late XVIII – the first half of the XIX-th century. It is found that by the middle of the XIX-th century the first tourist trips were made. The visit of Charles B. Elliott to the Crimea in 1830-s was one of them. It was considered the difference between the definitions «traveler» and «tourist». The notes of traveler's biography are based on memoirs of his daughter Alicia Elliott. Charles Elliott visited a lot of countries – Turkey, Italy, France, India, Egypt, Greece, Russia. He made his travels because of work and service, but trip to the Crimea was made in search of health. He took special interest in the Crimean history, especially – in the antiquity. He wrote about the South – Western part of the Crimea, including Bala-

clava, Inkerman and Chersonese. Those notes of him were translated and analyzed in comparison with the works of other travelers to the Crimea. The notes of E. Henderson, V. Passek, J. Gamba, V. Bronevsky, W. Jesse, R. Lyall were used to show the official Crimean history's image that was correct by that period among European scientists. It was found that C. Elliott used different historical sources and works of his «colleagues», such as Strabo, Herodotus, Pliny, P. Pallas, E. Clarke, but he never discusses with them. It is found that he was the author of interesting theories, that were based on the works of the main historians. Elliott raised the issue of some questions in the ancient Crimean history that are topical problems up to our days, such as discussion about localization of the cape and temple of Parthenos, about cave monasteries of Inkerman, about fortress Chembalo in Balaklava. It is concluded that C. Elliott is one of the informative author on the Crimean history. It is important that his work was translated to Ukrainian (and Russian) and put into scientific operation.

Keywords: travel, tourism, Crimea, Chersonese, Balaklava, Inkerman, Charles B. Elliott.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.